

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ И ИХ ОЦЕНКА В ТРУДАХ В. П. ЗАГОРОВСКОГО

В. Н. Глазьев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 марта 2025 г.

Аннотация: *в трудах автора книг по истории заселения и освоения южных окраин России В. П. Загоровского значительное внимание уделялось историческим личностям. Исследователь характеризовал героев прошлого с точки зрения их роли в истории юга. В. П. Загоровским даны многочисленные аргументированные оценки деятельности изучаемых персонажей, что составляет особенность творческого метода ученого.*

Ключевые слова: *В. П. Загоровский, юг России, XVI–XVII века, исторические личности.*

Abstract: *in the works of the author of books on the history of settlement and development of the southern outskirts of Russia, V. P. Zagorovsky, considerable attention was paid to historical figures. The researcher characterized the heroes of the past in terms of their role in the history of the south. V. P. Zagorovsky gave numerous reasoned assessments of the activities of the characters under study, which is a feature of the scientist's creative method.*

Key words: *V. P. Zagorovsky, south of Russia, XVI–XVII centuries, historical figures.*

В 2025 г. исполняется 100 лет со дня рождения Владимира Павловича Загоровского – выдающегося советского и российского историка, автора книг и статей по истории заселения и освоения южных окраин России, строительству городов-крепостей и оборонительных линий, истории Воронежского края, петровскому кораблестроению. Одной из важных особенностей его работ явилось повышенное внимание к историческим личностям, их деятельности и ее результатам. Характеристика персонажей из прошлого, выходцев из разной социальной среды во многом отличает творческую лабораторию мастера.

В предлагаемой статье рассматриваются портреты исторических деятелей, включенные в состав трилогии, посвященной правительственной и вольной колонизации юга России. Между фундаментальными монографиями В. П. Загоровского «Белгородская черта» (1969), «Изюмская черта» (1980), «История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства» (1991) одинаковый временной промежуток в 11 лет. За это время менялись историографическая ситуация, характер изложения В. П. Загоровского, угол авторского зрения.

В. П. Загоровский учитывал достижения выдающихся представителей отечественной исторической науки. Он ссылаясь на С. М. Соловьева, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина и других исследователей.

При выборе темы монографии о Белгородской черте В. П. Загоровский консультировался с А. А. Новосельским.

В. П. Загоровский приводил в своих исследованиях сотни имен. В предлагаемой статье обращается внимание только на те личности, которым автор давал определенную оценку. Основной критерий для В. П. Загоровского – та роль, которую деятель сыграл в истории Поля, южной окраины России. Юг России, Центральное Черноземье – регион, усилиями нескольких поколений русских людей ставший частью страны – это точка зрения при взгляде ученого на события и их участников.

Тема первой монографии в составе трилогии В. П. Загоровского – история сооружения грандиозной оборонительной линии – Белгородской черты в 1635–1658 гг. В качестве предыстории освещены события на юге России в XVI в. и в первой трети XVII в. В. П. Загоровский повествует об экспедиции в южные степи князя М. Тюфякина и М. Ржевского, подчеркивает не только военное, но и политическое значение поездки. По его мнению, «этим актом как бы утверждались официальные границы Русского государства в южной степи, которые выдвигались вплоть до р. Миуса» [1, с. 57, 59]. Заметим, что М. Ржевский по прозвищу Дьяк как командир «среднего звена» сыграл заметную роль в военной истории России второй половины XVI в., его деятельность стала предметом подробного рассмотрения в книге В. В. Пенского [2, с. 71–112].

Строительство Белгородской черты осуществлялось в годы царствования первых Романовых – Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Они упомянуты в монографии В. П. Загоровского, но подробно на их роли в организации оборонительного строительства исследователь не останавливается. О внимании царя Михаила к плану строительства оборонительной линии на юге свидетельствует факт личного ознакомления с ним монарха, который 4 января 1637 г. «сей росписи слушал и чертеж смотрел и указал о том сидеть бояром» [1, с. 94]. В советской исторической науке 1960-х – первой половины 1980-х гг. еще не сложился устойчивый интерес к деятельности монархов, и Владимир Павлович в этом отношении не составлял исключения.

При составлении периодизации сооружения Белгородской черты В. П. Загоровский не учитывал изменения в составе русского правительства, считая их «второстепенными». В 1635–1645 гг., когда во главе русского правительства стояли И. Б. Черкасский, Ф. И. Шереметев, а затем пришедший к власти Б. И. Морозов, большой разницы в отношении правительства к Белгородской черте ученый не замечал. Принятое решение о строительстве черты, по словам В. П. Загоровского, «выполняется, но недостаточно целеустремленно, распыляются средства между новой укрепленной линией и старыми засеками у самого центра страны». Более энергично, по мнению В. П. Загоровского, действует, начиная с 1646 г., Б. И. Морозов, но и он не выходит за пределы классовых и даже личных интересов, отправляя на черту, подальше от Москвы, своих возможных соперников-бояр (например, Н. И. Одоевского или Б. А. Репнина).

В целом негативно В. П. Загоровский оценивал действия воевод, руководивших строительством городов и участков черты, среди них «редко встречаем энергичных государственных деятелей». Автор отмечал, что многие из них преследовали корыстные или карьеристские цели, не проявляли изобретательности или настойчивости. Историк замечает, что «лишь некоторые воеводы, оставаясь на позициях господствующего класса, показали неплохие деловые качества, знания в военном деле, личное мужество. Главную же роль в строительстве Белгородской черты, как и в любом большом деле, сыграл народ – творец истории» [там же, с. 75–76]. Заметим, что изучение деятельности отдельных воевод продолжают современные исследователи (см., например: [3–5]).

Следует отметить, что В. П. Загоровский положительно отзывался о гетмане Богдане Хмельницком, считая его «выдающимся политическим деятелем и дипломатом». По словам В. П. Загоровского, гетман, «проводя линию на воссоединение Украины с Россией, стремился, причем небезуспешно, отвести удар

своего временного союзника – крымского хана от Русского государства и направить татар на Польшу» [1, с. 138].

В связи с тем, что юг России находился в ведении Разрядного приказа, это учреждение многократно упоминалось В. П. Загоровским, назывались его руководители в период сооружения черты – думный дьяк И. Гавренев и дьяк Г. Ларионов. Их деятельность или просто описывалась В. П. Загоровским (без оценивания), или в адрес чиновников звучали критические замечания. В частности, отказ от плана Ф. В. Сухотина привел к изменению последовательности в строительстве городов, что являлось, по мнению В. П. Загоровского, «довольно серьезной ошибкой, впоследствии стоившей жизни тысячам русских людей. Руководители Разрядного приказа послали строителей укреплений у Муравской дороги не на главное, а на второстепенное направление. В результате новые города встали в стороне от Муравской дороги, на ее боковых ответвлениях, а важный в стратегическом отношении степной промежуток между р. Ворсклой и г. Белгородом остался открытым для татар» [там же, с. 105].

Приведенные В. П. Загоровским факты консультаций Разрядного приказа со знатоками местности свидетельствуют о стремлении руководителей Разрядного приказа принять взвешенное решение. Накануне строительства укреплений у Ногайской дороги в 1635 г. в Разрядном приказе опрашивались Г. Кириевский, М. Спешнев и воронежский сын боярский И. Нос, которые предложили строить не один город, а линию укреплений через степь – в этом случае будет по-настоящему закрыта дорога татарам. Мнение знатоков местности в Разрядном приказе учли. Дьяки доверили выбрать место для города воеводе И. В. Биркину, учтено было мнение воеводы о необходимости сооружения земляного вала, а не деревянной стены. Руководитель Разрядного приказа думный дьяк И. Гавренев и дьяк Г. Ларионов обратились за консультацией к голландскому инженеру Яну Корнелию, который также посоветовал строить земляной вал [там же, с. 70–71, 85, 87]. Использование голландского специалиста было вполне оправданным – голландская военно-инженерная школа считалась в то время одной из самых передовых в Европе [6, с. 178].

Для составления плана перекрытия Муравской, Изюмской и Кальмиусской татарских дорог в октябре 1636 г. на юг была направлена экспедиция Федора Вахромеевича Сухотина и подьячего Е. Юрьева. Она вернулась в Москву 26 декабря 1636 г. с чертежами, подробным описанием местности и планом строительства новых укреплений [7, с. 85]. План Ф. Сухотина и Е. Юрьева, по оценке В. П. Загоровского, являлся хорошо разработанной программой строитель-

ства укреплений на юге России. К сожалению, уже вскоре этот план подвергся корректировке, на взгляд В. П. Загоровского, не очень удачной. Помешать осуществлению этого плана пытались и крымские татары. В феврале 1638 г. крымский хан Бегадыр-Гирей «нагло, с угрозами» требовал от России разрушения новых городов. Русское правительство отвергло призывания хана [1, с. 91–94].

Как становится ясно из монографии, руководство Разрядного приказа учитывало местную инициативу при решении вопроса об укреплениях. В частности, инициаторами строительства г. Усмани выступили сами жители окрестных сел – мелкие служилые люди [там же, с. 111]. Следствием прорыва татар через усманский вал в 1652 г. было появление в Разрядном приказе «нелепого», по определению В. П. Загоровского, плана переноса укреплений с р. Усмани на р. Воронеж. Это решение противоречило интересам жителей междуречья Воронежа и Усмани. В Разрядный приказ была подана коллективная челобитная служилых людей с просьбой оставить Усмань и Орлов на прежних местах. В начале 1653 г. Разрядный приказ распорядился сохранить города Усмань и Орлов на тех же местах, где они стояли [там же, с. 140].

В монографиях В. П. Загоровского приведены данные о воеводах, руководивших созданием укреплений, а также о более узких специалистах. Так, во главе строителей козловского земляного вала, наряду с воеводой, в 1636 г. находился русский мастер, «горододелец» Иван Андреев. Под его же присмотром возводился вал на Изюмской черте в 1637 г. И. Андреев, проявивший себя как принципиальный руководитель, требовал соблюдать установленные им размеры вала, что часто вызывало недовольство участвовавших в работах московских стрельцов [там же, с. 88, 96].

При строительстве укреплений привлекались специалисты по устройству колодцев. В 1647 г. планировалось поставить на валу в районе Кальмиусской татарской дороги два жилых городка. Однако дело тормозилось отсутствием в этих местах воды. По сведениям В. П. Загоровского, Разрядный приказ специально прислал из Москвы «колодезника» Михаила Никитина, мастер должен был определить места, где копать колодцы, и сказать, будет ли в них всегда вода. М. Никитин, как отмечал В. П. Загоровский, действительно, оказался мастером своего дела. Осмотрев место предполагаемого строительства городка у Верхососенского леса, он сказал, что «хотя и колодези копать, воды будет мало». Воевода В. П. Львов все же распорядился строить городок, и затем в течение всего существования г. Верхососенска его жители страдали от отсутствия воды и даже просили в связи с этим перенести город на другое место [там же, с. 126].

В. П. Загоровский специально не освещал боевые столкновения русских служилых людей и совершавших грабительские набеги татар. История борьбы с татарами в первой половине XVII в. была всесторонне раскрыта в капитальной монографии А. А. Новосельского [8]. Тем не менее В. П. Загоровский уделял внимание этим событиям на юге России, отмечая, что «борьба с татарами принижала всю жизнь, быт населения» [1, с. 51]. Рассказывая о тяжелом бое 3 августа 1632 г. под Савинской дубравой, где служилые люди Ливенского уезда сражались с превосходящими по численности татарами, В. П. Загоровский восхищается их мужеством, к которому «мы не можем не испытывать уважения» [там же, с. 66–67].

Героями повествования В. П. Загоровского становились крестьяне и мелкие служилые люди. Ученый отметил, что вновь сооруженный город Козлов получил имя первого поселенца, русского крестьянина Семена Козлова. Как отметил Ю. А. Мизис, название местности «Козлово урочище» и прозвище русского крестьянина переплелось в имени города, который он носил около трех веков [9, с. 20]. На строительстве Козлова работали не только ратные люди, но и специалисты-плотники, в том числе воронежцы [1, с. 87]. В. П. Загоровский упоминает предприимчивых крестьян: Ю. Перегудова, арендовавшего в 1615 г. Толучеевский ухажей; Г. Побежинова, арендовавшего в 1623 г. Битюцкий и Серецкий ухажьи [там же, с. 40–41].

Одна из глав монографии посвящалась традиционной для советской историографии теме – народным движениям в городах и уездах на Белгородской черте. В. П. Загоровский описал восстания и волнения на Белгородской черте в середине XVII в., участие южнорусского населения в восстании под предводительством Степана Разина. Представляет интерес объяснение В. П. Загоровским причин перехода на сторону Разина острогожского полковника Ивана Дзиньковского. По мнению ученого, на поведении И. Дзиньковского могли сказаться характерные для того времени разногласия между украинской казачьей старшиной и русской царской администрацией. Для таких разногласий были условия и в Острогожске, где переплетались две власти: полковник И. Дзиньковский командовал черкасами, а находившийся тут же воевода осуществлял административную власть в городе. Вторым фактором, оказавшим влияние на решение И. Дзиньковского, могли быть личные связи и предварительная договоренность со Степаном Разиным. И, наконец, по мнению В. П. Загоровского, И. Дзиньковский, видимо, переоценил военную силу повстанцев, считая, что «вслед за отрядом Ф. Колчева к Острогожску сразу же подойдут многочисленные войска разинцев» [там же, с. 269]. В одной из недавних статей В. Я. Мауль высказал мнение о том, что

«для И. Н. Дзинковского разинское восстание – это не губительное соучастие в измене, а спасительный и богоугодный «бунт во имя царя» [10, с. 171]. Однако полковник как представитель местной элиты был хорошо осведомленным человеком и вряд ли мог воспринимать идеологию «прелестных писем», адресованных общественным низам.

Исследование русских укрепленных линий В. П. Загоровский продолжил в монографии «Изюмская черта». Новая черта была в основном построена в 1679–1680 гг. В книге В. П. Загоровского был также рассмотрен период, предшествующий строительству Изюмской черты. После образования в 1658 г. Белгородского полка и военно-административной единицы – Белгородского разряда на юге России появились должностные лица высокого ранга – воеводы Белгородского полка. Первые полковые (разрядные) воеводы объединяли в своих руках военную и гражданскую власть, возглавляли полк во время военных походов, руководили обороной городов Белгородского разряда. Первые полковые (разрядные) воеводы относились к рядам первостепенной аристократии [11, с. 141–143].

В течение первых двадцати лет существования Белгородского полка (1658–1678) воеводой Белгородского полка почти бессменно был князь Григорий Григорьевич Ромодановский. По оценке В. П. Загоровского, кн. Г. Г. Ромодановский был более полководцем и военным администратором, чем инженером. «Он не выдвигал предложений о строительстве новых укрепленных линий, его требования о ремонте старых укреплений на Белгородской черте носили зачастую формальный характер» [12, с. 39]. Следует заметить, что и деятельность князя как военачальника современными исследователями оценивается неоднозначно: он проявил медлительность и допустил взятие турецкой армией Чигирина в 1678 г. [13, с. 317, 321]. В качестве оправдания князя следует привести суждение М. Р. Яфаровой о том, что со стороны противника России гетмана правобережной Украины Ю. Хмельницкого осуществлялась «намеренная дискредитация» не только кн. Г. Г. Ромодановского, но и всего российского правительства [14, с. 346]. Впоследствии вернувшийся из второго Чигиринского похода на свою прежнюю должность Г. Г. Ромодановский, по наблюдениям В. П. Загоровского, «не горел желанием приниматься за хлопотное валовое дело. У него были другие заботы» [12, с. 101].

В. П. Загоровский выявил важную особенность в организации управления Белгородской чертой и территорией Белгородского разряда в целом, получившую распространение с 1678 г., в связи с русско-турецкой войной. В тех случаях, когда воевода Белгородского полка во главе армии отправлялся в длительный поход, русское правительство стало назначать

нового, временного воеводу, в полное подчинение которого переходили городские воеводы и служилые люди городской службы, а также оставшиеся части подвижной армии (солдатские и рейтарские полки). В 1679 г., когда Иван Богданович Милославский отправился в «Киевский поход», обязанности Белгородского воеводы выполнял князь Яков Семенович Бояринский. В 1680 г. во время выступления Петра Ивановича Хованского в сторону Киева белгородским воеводой стал Петр Васильевич Меньшой Шереметев [12, с. 95–96]. Перед П. И. Хованским весной 1680 г. ставилась чисто военная задача – отразить возможное наступление турецкой армии и татар, тогда как перед П. В. Шереметевым – военно-инженерная и административная [там же, с. 125]. По поводу первого В. П. Загоровский саркастично замечал: «Воевода Белгородского полка П. И. Хованский, не всегда достаточно активный в борьбе с татарами, против безоружных русских крестьян действовал более энергично» [там же, с. 206–207].

П. В. Шереметев «имел уже немалый опыт придворной и военно-административной службы» [там же, с. 123–124]. Стремясь как можно скорее завершить все работы на Полатовском валу, П. В. Шереметев решил в собственных интересах использовать свое положение общего руководителя работ на «новой черте». 5 августа П. В. Шереметев приказал Г. И. Косагову прекратить все работы на другом участке и выступить «со всеми людьми» к себе на Полатовский вал [там же, с. 132]. 17 августа войска Г. И. Косагова (русские и черкасы) подошли к Полатовскому валу. П. В. Шереметев приказал ратным людям включиться в работу на Полатовском валу. После выполнения задания П. В. Шереметев обещал отпустить всех ратных людей, пришедших на Полатовский вал вместе с Г. И. Косаговым. Подобным образом П. В. Шереметев поступил и в отношении другого своего помощника – А. С. Опухтина [там же, с. 133].

Обещания, данного ратным людям группы генерала Г. И. Косагова и А. С. Опухтина – русским и украинцам, боярин П. В. Шереметев не выполнил. Он распустил по домам только «свой полк» и поспешил уехать в Москву, воспользовавшись решением Боярской думы от 14 августа, по которому его миссия на юге России ограничивалась сооружением Полатовского вала [там же, с. 133–134]. По оценке В. П. Загоровского, ответ П. В. Шереметева помощнику Г. И. Косагову ярко показывает узость государственного кругозора этого человека, незаинтересованность самого боярина в важном для России деле обороны от татарских набегов и возможного турецкого вторжения [там же, с. 145–146].

Генерал Г. И. Косагов оставил заметный след в военной истории России XVII столетия [15; 16, с. 3]. В. П. Загоровский высоко оценивал деятельность

первого русского генерала. Г. И. Косагов весной и в начале лета 1680 г. провел военно-инженерную разведку выделенного ему участка с целью определить географические контуры новой черты у Северского Донца и Мжи, места для устройства новых городов, острожков, земляных валов [12, с. 144]. Помимо конкретного руководства строительством укреплений из земли и дерева, после осмотра местности Г. И. Косагов обосновал перед Разрядным приказом необходимость переноса новой укрепленной линии с берегов реки Мжи к расположенному южнее этой реки Гомольшинскому лесу и начал осуществлять этот план на практике [там же, с. 143]. Под руководством Г. И. Косагова в 1681 г. был построен г. Изюм [там же, с. 208–214].

В. П. Загоровский дал характеристику начальнику Разрядного приказа боярину Михаилу Юрьевичу Долгорукому, занявшему этот пост зимой 1680/81 г. В Русском биографическом словаре, изданном в 1905 г., М. Ю. Долгоруков оценивался как «ловкий придворный, но слишком плохой правитель». Анализируя документы, вышедшие из Разрядного приказа в конце 1680 г. и в 1681 г., В. П. Загоровский присоединился к подобной оценке. По словам исследователя, из Разрядного приказа выходят в это время противоречивые постановления, нередко отменяются только что принятые воеводские назначения и распоряжения [там же, с. 204].

Назначение представителя аристократического рода А. С. Шеина главой Белгородского разряда и Белгородского полка Н. Н. Петрухинцев рассматривает как одно из проявлений формирования ранней военной элиты Петра I. По мнению исследователя, А. С. Шеин и впоследствии Б. П. Шереметев получили неоценимый опыт руководства крупными военно-административными структурами [17, с. 210, 215]. При этом В. П. Загоровский описывает неудачные инициативы руководителя Белгородского полка А. С. Шеина. 15 июня 1683 г. молодой боярин А. С. Шеин распорядился произвести осмотр и ремонт «Новопостроенной черты». Он решил, что участие в ремонте черты должны принять, кроме жителей семи городов, еще и новооскольцы, верховосенцы и ольшанцы. Такой приказ выполнить было невозможно, потому что в сооружении Полатовского вала участвовали жители десятков русских и черкасских городов, а не только Нового Оскола, Верховосенска и Ольшанска. Починка укреплений Изюмской черты была произведена выборочно. Тем не менее воевода Белгородского полка А. С. Шеин в связи с этим получил царскую благодарность «за службу по Новой черте» [12, с. 218–219]. В дальнейшем успешное восхождение А. С. Шеина к вершинам военной иерархии продолжилось. В Первом Крымском походе он руководил войсками Новгородского разряда –

вторым по значимости и мощи после Большого полка [18, с. 88].

Монография В. П. Загоровского «История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в.» переносит читателя в иной, хронологически более ранний период создания и первого столетия существования единого Российского государства. Рассказывая о кратком периоде истории Елецкого княжества на рубеже XIV–XV вв., В. П. Загоровский подчеркивал подчинение елецкого князя власти великого рязанского князя Олега Ивановича – «крупного политического деятеля второй половины XIV в.», который приказал вассалу встретить главу русской церкви митрополита Пимена у места впадения Воронежа в Дон [19, с. 20–21].

Освещая сюжет о приобретении Василием II рязанских земель к югу от Оки, В. П. Загоровский полагал, что Василий Темный, наряду с другими целями, стремился географически разъединить Рязань и Литву. По мнению ученого, Василий Темный «в данном случае несколько переоценил силы Московского княжества». Отошедшие от Рязани к Москве прежде заселенные, но теперь опустошенные татарами верхнедонские земли нужно было не столько формально включить в состав Московского княжества, сколько отвоевать у Орды. Сил для этого у Московского княжества тогда еще не было [там же, с. 26].

Деятельность Ивана III В. П. Загоровский, в целом, оценивал положительно. В частности, повествуя о «стоянии» в 1501 г. у устья Тихой Сосны хана Большой Орды Ших-Ахмета и крымского войска во главе с ханом Менгли-Гиреем, историк сопоставлял это событие со «стоянием» на реке Угре. Как известно, «Стояние на Угре» было большой политической победой Ивана III, Русского государства, складывавшегося вокруг Москвы. По оценке В. П. Загоровского, и «стояние у Тихой Сосны» можно также оценивать как политический успех молодого Российского государства. События лета 1501 г. предвещали полный крах Большой Орды. Хорошо виден и конкретный, положительный для России результат задержки Большой Орды крымскими татарами при устье Тихой Сосны. России, занятой борьбой с Великим княжеством Литовским за возвращение западнорусских земель, не пришлось в 1501 г. вести войны на два фронта [там же, с. 42].

Одним из героев повествования В. П. Загоровского стал крымский хан Менгли-Гирей. В 1507 г. крымский хан Менгли-Гирей считал себя достаточно сильным, чтобы по типу золотоордынских ханов выдать ярлык Сигизмунду I на управление многими российскими городами. Этим документом Крымское ханство фактически объявило себя преемником Золотой Орды, осуществляющим верховную власть над об-

ширными русскими землями. Кроме городов, которыми и так владел в 1507 г. в качестве великого князя литовского Сигизмунд I, крымский хан давал ему десятки городов, находящихся в пределах Российского государства «с землями и водами», т. е. с окружавшими их селами и деревнями. В числе таких городов были Чернигов, Путивль, Рыльск, Стародуб, Брянск, Мценск, Козельск, Тула, Пронск; в прежние времена Литва либо владела ими, либо претендовала на них. Но и подобного перечня Менгли-Гирею показалось мало. В дополнение крымский хан дал великому князю литовскому еще «Псков, и Великий Новгород, и Резань, и Переяславль»! Притязания Менгли-Гирея на огромные территории в пределах Российского государства и на прежнее могущество Золотой Орды не подкреплялись реальным соотношением сил [там же, с. 49].

Еще один ультиматум Василию III Менгли-Гирей выдвинул в декабре 1514 г. Продолжая считать себя преемником золотоордынских ханов («Великим царем Великой Орды»), властелином многих русских земель, Менгли-Гирей утверждал, что верховным владельцем Смоленска является он, Менгли-Гирей, что «мы, пожаловав, дали Смоленский юрт» королю Сигизмунду и, следовательно, Василий III не имел права воевать и присоединять Смоленск без ведома его Менгли-Гирея. Далее Менгли-Гирей нагло требовал передать Крымскому ханству восемь русских городов: Брянск, Стародуб, Почеп, Новгород-Северский, Рыльск, Путивль, Карачев и Радогощь. Он утверждал, что «те писанные восемь городов из старины наши были, а отцу твоему великому князю Ивану мы их дали». Еще 35 русских городов, по словам Менгли-Гирея, «из старины деда нашего были», и Иван III, мол, ежегодно посылал в Крым дань, взятую с них. Сейчас он, Менгли-Гирей, эти 35 городов не требует, но перечисленные 8 городов, начиная с Брянска, обязательно должны быть отданы ему [там же, с. 59–60].

Одновременно с требованием передачи Крымскому ханству восьми городов в юго-западной части России Менгли-Гирей послал в этот район для военных действий сына своего Мухаммед-Гирея с войском. Менгли-Гирей, как полагал В. П. Загоровский, переоценил значение и последствия поражения русских воевод от польско-литовских войск под Оршей в сентябре 1514 г. Он рассчитывал подкрепить свои политические требования легким военным успехом и говорить с Василием III с позиции силы. Ни одним из городов юго-западной России Мухаммед-Гирей зимой 1514/1515 г. не сумел овладеть; он отступил назад, в Крым [там же, с. 60].

Новый крымский хан Мухаммед-Гирей в 1521 г. совершил нападение на Россию. В. П. Загоровский считает ошибкой русского командования отвод полков

дворянской конницы из Тулы. Между тем в этом городе за год до нашествия Мухаммед-Гирея закончилось строительство каменной крепости [там же, с. 67]. Самым серьезным недостатком в организации русской обороны против нашествия Мухаммед-Гирея в 1521 г. явилось, на взгляд В. П. Загоровского, полное отсутствие сторожевой службы и даже элементарной военной разведки на Поле. По мнению В. П. Загоровского, события 1521 г. ясно показали, что «Василий III не обладал военными способностями. К тому же, борясь против Литвы и Казани, он не обращал серьезного внимания, не претендовал на территорию Поля, по сути дела, отдал его в распоряжение Крымского ханства» [там же, с. 68]. Малодушие великого князя перед лицом опасности в дни нашествия Мухаммед-Гирея в 1521 г. отмечает автор книги о Василии III А. И. Филюшкин. При этом историк деятельность великого князя оценивает в целом положительно, называя Василия III «строителем, творцом. Менее ярким, чем отец, менее ужасающим и впечатляющим, чем сын» [20, с. 263, 326].

Арест князя Василия Шемячича и ликвидацию Новгород-Северского княжества в 1523 г. В. П. Загоровский объясняет тем, что Василий Шемячич обладал определенной силой и самостоятельностью. «Василий III, видимо, опасался и перехода Шемячича со всеми принадлежавшими ему землями под покровительство Крыма». Для такого опасения имелись некоторые основания. «Василий III за время своего 28-летнего княжения не раз коварно и жестоко расправлялся со своими политическими соперниками, а также с людьми, объективно мешавшими его господству в России». Падение Шемячича привело к появлению в Новгород-Северском княжестве московских наместников и означало выдвижение непосредственных владений московского государя в крайнюю западную часть современного Центрального Черноземья [19, с. 74–75].

Говоря о событиях, предшествующих нападению в 1541 г. крымского хана Сагиб-Гирея на русские земли, В. П. Загоровский отмечает подвиг «двух русских патриотов», двух находившихся в Крыму «полоняников». Имя одного из них – Яким, крестьянин или холоп некоего Ивана Любучанина. Яким и его товарищ, узнав о предстоящем походе крымских татар на Русь, немедленно решили бежать в Москву и блестяще осуществили свой замысел. Сведения, доставленные ими, были подробными и очень важными [там же, с. 80].

Действия фактического руководителя русского правительства князя Ивана Федоровича Бельского летом 1541 г. В. П. Загоровский оценивает как «энергичные и целеустремленные». По определению историка, распоряжение князя И. Ф. Бельского выслать станицу в Поле поперек дорог необходимо

назвать «первой в истории борьбы России с Крымским ханством, документально подтвержденной государственной разведкой на Поле, на путях вторжений крымских татар». Поездку станицы Гаврилы Толмача, на взгляд В. П. Загоровского, можно считать «началом государственной общероссийской сторожевой службы в пределах современного Центрального Черноземья». Ученый отмечает, что князь И. Ф. Бельский имел большой опыт борьбы с крымскими татарами, он не раз выходил с полками дворянской конницы к Оке, хорошо представлял себе географические особенности Поля [там же, с. 81].

Ряд ярких суждений высказано В. П. Загоровским по поводу Ивана IV и исторических деятелей его эпохи. Упомянув о неожиданном решении царя весной 1566 г. освободить из северной ссылки князя М. И. Воротынского и вернуть ему конфискованные земли, В. П. Загоровский высказал мнение о том, что «для объяснения поступков Ивана Грозного (особенно со времени учреждения опричнины) непригодны обычные логические конструкции, общечеловеческие понятия. Психически неуравновешенный царь, считавший, что он может по своему желанию казнить и миловать любого из подданных, не раз принимал импульсивные, противоречивые решения» [там же, с. 102].

Исследователь осуждал решение Ивана IV об уничтожении Пселского города – крайней российской крепости, построенной в Приднепровье, у самых рубежей Крымского ханства. В связи с прекращением походов в пределы Крымского ханства необходимость в существовании Пселского города временно отпала. В. П. Загоровский задает риторический вопрос: «Зачем было разорять существующую крепость без особых на то причин, отступать с уже занятой и фактически присоединенной к России территории? Такого в России прежде не случалось [там же, с. 142]. Уничтожение Иваном IV русской крепости у р. Псел свидетельствовало, на взгляд В. П. Загоровского, «не только об изменении внешнеполитического курса России. Оно показывало также политическую недалекость и дипломатическую слабость Ивана Грозного, вставшего после разрыва с «Избранной радой» на путь террора и удовлетворения собственных, зачастую нелепых прихотей» [там же, с. 143].

В. П. Загоровский неоднозначно характеризовал одного из соперников Ивана IV крымского хана Девлет-Гирея. В событиях 1555 г., «в сложной, быстро меняющейся боевой обстановке», по определению исследователя, крымский хан «показал себя умелым и весьма осторожным полководцем». Чтобы спасти свою армию, чтобы выйти из окружения, крымскому хану нужно было решиться на немедленное отступление от русской окраины, и Девлет-Гирей принял

такое решение. Для Ивана IV и воеводы И. В. Шереметева оно оказалось неожиданным [там же, с. 119–120]. В. П. Загоровский приводит сведения о том, что Девлет-Гирей очень опасался в июле 1555 г. не только преследования со стороны Ивана IV, но и немедленного похода русского царя во главе армии в Крым. Иван IV не решился на такой поход, хотя возможность похода, по мнению В. П. Загоровского, в принципе не исключалась. События 1555 г. выявили трудности в организации русского военного похода через Поле против Крымского ханства, показали нежелание Ивана IV лично участвовать в таком походе [там же, с. 121]. Как считает В. В. Пенской, для Ивана IV «бессмысленно было» организовывать преследование неприятеля – к тому времени, когда царь получил первые сведения о поражении Шереметева, между русским войском и татарами было уже порядка 300 км и догнать Девлет-Гирея было невозможно физически [21, с. 57].

Летом 1559 г. Девлет-Гирей опять уклонился от наступления, от открытого сражения с русской армией на Поле. Иван IV и его советники не смогли правильно оценить общую военную ситуацию, сложившуюся летом 1559 г., отрешиться от традиционного мышления, согласно которому наступающей стороной обязательно являлись татары, а оборонявшейся – Россия. Ожидание татар русской армией на краю Поля снова оказалось совершенно напрасным. Собранную летом 1559 г. русскую армию, по словам В. П. Загоровского, можно было использовать для закрепления за Россией северной части Поля, устройства здесь укрепленных пунктов, основания одного-двух русских городов. Ничего этого сделано не было. Не состоялся и поход Ивана IV к Туле [19, с. 137].

Поражение под Москвой в 1571 г. от войск Девлет-Гирея, по оценке В. П. Загоровского, «было серьезной неудачей русской армии, брошенной в трудный для нее момент Иваном Грозным, но отнюдь не решающим поражением России в борьбе с татарами». Между тем Девлет-Гирей, по мнению ученого, явно переоценил значение своей победы. В следующем году Российскому государству удалось взять у татар военный реванш [там же, с. 169].

Победа при Молодях в 1572 г. была достигнута, конечно, в значительной степени благодаря общему умелому руководству войсками со стороны князя М. И. Воротынского, которому удалось направить против татар все имевшиеся в его распоряжении боевые силы, превосходству российской артиллерии и, конечно, благодаря стойкости русских воинов, защищавших от татар Москву и всю Россию [там же, с. 175]. Освещая полемику в исторической литературе по поводу роли князя М. И. Воротынского в молодинской битве, Д. М. Володихин считает, что творцами победы следует считать «в равной степени» князя

М. И. Воротынского и князя Д. И. Хворостинина [22, с. 201].

По характеристике В. П. Загоровского, М. И. Воротынский «серьезно, по-государственному» относился к проблемам Поля. Решение собрать в Москве знатоков Поля 7 января 1571 г. ученый назвал «разумным». Всероссийское совещание знатоков Поля, проходившего под руководством М. И. Воротынского, В. П. Загоровский считал «замечательным для своего времени» [19, с. 154–155]. По предположению В. П. Загоровского, роль князя М. И. Воротынского как руководителя совещания и общего редактора принятых на нем «приговоров» в этом вопросе была решающей [там же, с. 155–156]. С большим сожалением ученый отметил, что «весной 1573 г. царь-деспот окончательно расправился с выдающимся российским полководцем, победителем татар, который по своей популярности мог в чем-то соперничать с ним» [там же, с. 176]. По поводу жертв, которыми ознаменовалось правление Ивана IV, Б. Н. Флоря заметил, что в нашем распоряжении до сих пор нет серьезных доказательств, что царь в своей политике сталкивался с непримиримой, готовой на крайние меры оппозицией, и продолжают сохраняться серьезные сомнения в существовании целого ряда заговоров, которые Иван IV подавлял с такой жестокостью. Закljučая книгу об Иване IV, исследователь признает, что на вопрос об историческом значении деятельности Ивана IV мы до сих пор не имеем окончательного ответа [23, с. 397]. Сказанные 23 года назад слова историка остаются актуальными и в наши дни.

В завершение отметим, что в целом В. П. Загоровский оставался советским историком, в основе его теоретических взглядов находились постулаты об общественно-экономических формациях, в частности, феодальной. В. П. Загоровский руководствовался классовым подходом, в его трудах проявлялось сочувствие к народу, к которому ученый относил крестьян и мелких служилых людей юга России.

В. П. Загоровский не стремился к пространным теоретическим рассуждениям. Его исследования имели в основе тысячи документов и свидетельств современников. В книгах В. П. Загоровского ясно выражен авторский подход, критические суждения, сопоставления, оценки. Все это привело к тому, что труды В. П. Загоровского не стали в наши дни лишь достоянием историографии. Ученый цитируется, его наблюдения и выводы учитываются современными исследователями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загоровский В. П. Белгородская черта / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1969.

2. Пенской В. В. «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. / В. В. Пенской. – М., 2017.

3. Мизис Ю. А. Воевода Московского царства (Р. Ф. Боборыкин на государственной службе) / Ю. А. Мизис. – Тамбов, 2012.

4. Глазьев В. Н. Воронежские воеводы и их окружение в XVI–XVII веках / В. Н. Глазьев. – Воронеж, 2007.

5. Глазьев В. Н. Служба городского воеводы на Белгородской черте в 1644–1655 гг. : Федор Юрьевич Арсеньев / В. Н. Глазьев // Белгородская черта : сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 5. – Белгород, 2020.

6. Папков А. И. Белгородская черта / А. И. Папков, Ю. А. Мизис // Южный и юго-восточный фронт России в XVI–XVIII вв. : очерки истории : монография. – Ростов н/Д., 2024.

7. Папков А. И. Белгородская черта : история, фортификация, люди / А. И. Папков, Н. Н. Петрухинцев, Д. А. Хитров. – Рыбинск, 2020.

8. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века / А. А. Новосельский. – М. ; Л., 1948.

9. Мизис Ю. А. На южных рубежах Российского государства. История заселения и освоения Тамбовского и Козловского уездов в XVII в. (1635–1696) : монография / Ю. А. Мизис. – Тамбов, 2023.

10. Мауль В. Я. «Измена во имя царя» : полковник И. Н. Дзизковский и разинский бунт / В. Я. Мауль // Белгородская черта : сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 7. – Белгород, 2022.

11. Дудина О. В. Воеводы Белгородского разряда во второй половине XVII в. : коллективный портрет / О. В. Дудина // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : материалы XXXIII Международной научной конференции. – М., 2020.

12. Загоровский В. П. Изюмская черта / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1980.

13. Седов П. В. Закат Московского царства : царский двор конца XVII в. / П. В. Седов. – СПб., 2006.

14. Яфарова М. Р. Русско-османское противостояние 1672–1681 гг. / М. Р. Яфарова. – М., 2024.

15. Рагожин А. А. Думный дворянин генерал-поручик Г. И. Косагов / А. А. Рагожин // Вопросы истории. – 2001. – № 9.

16. Аваков П. А. Первая донская служба стольника и полковника Г. И. Косагова / П. А. Аваков // Белгородская черта : сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 9. – Белгород, 2024.

17. Петрухинцев Н. Н. «Начало славных дел» : первые преобразования Петра I в контексте внешней и внутренней политики России (1682 – рубеж XVII–XVIII вв.) / Н. Н. Петрухинцев. – М., 2022.

18. Гуськов А. Г. Русско-турецкая война 1686–1700 гг. / А. Г. Гуськов, К. А. Кочегаров, С. М. Шамин. – М., 2022.
19. Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1991.
20. Филюшкин А. И. Василий II / А. И. Филюшкин. – М., 2010.
21. Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей / В. В. Пенской. – М., 2016.
22. Володихин Д. М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV / Д. М. Володихин. – СПб., 2011.
23. Флоря Б. Н. Иван Грозный / Б. Н. Флоря. – М., 2002.

*Воронежский государственный университет
Глазьев В. Н., доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой политической истории
E-mail: vng@main.vsu.ru*

*Voronezh State University
Glazjev V. N., Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Political History Department
E-mail: vng@main.vsu.ru*